

НИНА ХАРРИНГТОН

Вечер, полный сюрпризов

HARLEQUIN®

kiss™

Нина Харрингтон
Вечер, полный сюрпризов
Серия «Поцелуй – Harlequin», книга 81

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17801865

Харрингтон Нина Вечер, полный сюрпризов: роман: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-06266-6

Аннотация

Бросив престижную, высокооплачиваемую, но ненавистную работу в банке, Лотти Роузмаунт открывает чайную-кондитерскую на оживленной улице Лондона. Судьба вновь сталкивает ее с прекрасным и ужасным Робом Бересфордом, шеф-поваром и совладельцем международной сети отелей «Бересфорд». Три года назад Роб едва не разрушил будущее Лотти. Он красив, богат, знаменит и пользуется бешеным успехом у женщин, с которыми заводит короткие интрижки. Теперь он обратил внимание на мисс Роузмаунт и предложил ей короткий роман. Лотти восхищается Робом, ее влечет к нему, но ей нужны надежные отношения, она мечтает о семье, о детях...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Нина Харрингтон

Вечер, полный сюрпризов

The Secret Ingredient

Copyright © 2014 by Nina Harrington

«Вечер, полный сюрпризов»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО
«Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Роб Бересфорд, медленно расправив плечи и выпрямившись во весь рост, вышел из длинного лимузина на красную ковровую дорожку к новой престижной художественной галерее Лондона. Он поправил доходящую до воротничка гриву волнистых волос давно отрепетированным жестом, по мнению отдела маркетинга группы принадлежащих ему отелей, ставшим его визитной карточкой.

– Убедись, что поклонники видят твои фантастические плечи и голову, – твердила агент Салли. – Именно на них смотрят женщины. Пользуйся, пока можешь.

Да, все это радости саморекламы. Двадцать лет в гостиничном бизнесе хорошо вымуштровали Роба. Он говорил журналистам все, что они хотели услышать, они любили его за это. Подавали то в хорошем, то в дурном свете, играющим по правилам и без, в зависимости от обстоятельств. Жаль только, на его дурной славе больше зарабатывали папарацци, не используя факты из его настоящей жизни, например работу на кухне, создание кулинарных рецептов, собиравших многочисленные призы на конкурсах. Они хотели, чтобы он бесчинствовал и разбивал камеры, бросался в драку от неосторожно брошенного слова или терял голову от нападков на его семью или блюда.

Бересфорд, которого они хотели видеть, – молодой шеф-

повар со скандальной славой, который взял за грудки самого знаменитого ресторанного критика в Чикаго и выбросил из ресторана за то, что тот посмел сделать замечание по поводу бифштекса.

Иногда он уставал, заскучав плясать под их дудку, совершать им на потребу глупости, о которых вскоре сожалел.

Сегодня он здесь не для поддержания репутации, рекламы на телевидении или увеличения продажи своих книг. Сегодня успех нужен не ему. И он готов сделать все, чтобы привлечь внимание публики. На нем лучший костюм, он зазубрил роль и будет ее играть до появления настоящей звезды. Сегодня толпа его поклонников способствует успеху галереи. И художнику, чьи работы отобраны, чтобы с помпой отметить грандиозное открытие. Адель Форрестер. Художница. Его мать.

В глубине души он дрожал от страха, но быстро спрятал напряжение на лице за широкой улыбкой, никто и не заметил, что он нервничает сверх меры.

Он сможет расслабиться, только когда вернется в гостиницу с матерью, поздравит ее с успехом и с тем, что ее картины стали продаваться ошеломляюще быстро.

План прост. Они приедут вместе, она поприветствует публику, он сопровождает ее к экспозиции под аплодисменты поклонников и любителей искусства. Гордый матерью сын. Мать – звезда. Словом, победители.

Но это только план.

Прошедшая неделя пролетела в тумане приготовлений, а за сутки до открытия вирус гриппа, свирепствовавший в Калифорнии, свалил ее на целый день. К этому добавился нервный срыв.

Еще час назад он думал, что все образуется, мама даже оделась и нарядилась, улыбающаяся и счастливая, ведь ее восьмилетний труд наконец предстанет перед публикой.

Но она совершила ошибку: пошла через главный выход отеля, увидела прессу и в смущении вернулась в номер, побледнев и едва дыша. Пытаясь победить панику, убеждала себя, что справится и самостоятельно пройдет по красной дорожке. Это возможность показать себя без того, чтобы красавчик сын затмил ее выход в свет.

Потому в лимузине он был один. Она пряталась в гостиничном номере. Старалась расслабиться, боясь сделать несколько шагов по ковровой дорожке под фотовспышками.

От мысли, что его прекрасная мать считает себя недостаточно хорошей для этой толпы, кровь кипела от возмущения. Они и понятия не имели, как много ей пришлось пережить за последние несколько лет. И никогда об этом не узнают.

Пятнадцать лет назад он дал матери слово, что будет защищать ее и заботиться о ней, хранить любые тайны. И он сдержал обещание, невзирая на то, как это усложнило его жизнь и скольких усилий стоило защитить ее. Он стал управлять гостиницами Бересфордов в городах, где были самые

лучшие психиатрические центры, и отказывался от предложений, за которые другие шеф-повара могли бы пойти на убийство, только затем, чтобы обеспечить ей столь необходимое стабильное окружение.

Нельзя сказать, что она так уж любила жить в городе. Сколько раз он, не успев переодеться, спешил в аэропорт в поварском одеянии, чтобы лететь с ней в какое-нибудь вдохновляющее место, о котором она узнала несколько часов назад, поскольку это именно то, что ей сейчас нужно, чтобы завершить работу. И ей необходимо ехать именно сегодня, иначе жизнь будет разбита вдребезги.

Пройти по красной ковровой дорожке с улыбкой на лице – небольшая цена за возможность поддержать мать финансово и эмоционально.

Роб бежал глазами ряды фотографов, прижавшихся к заграждению по обеим сторонам узкого входа, узнал несколько знакомых папарацци, следовавших по пятам, куда бы он ни пошел, кивнул им и помахал рукой. Остальные быстро заняли позиции на импровизированной баррикаде, выкрикивая его имя и требуя принять ту или иную позу.

Поклонники держали плакаты с его именем. Мелькали фотовспышки. Все во что бы то ни стало желали запечатлеть его редкое появление на публике, тем более он совсем недавно признан шеф-поваром года. В который раз.

Он медленно поворачивался из стороны в сторону на фоне огромной афиши гала-выставки работ Адель Форрестер,

стараясь, чтобы ее портрет все время был фоном фотографий.

Одна рука в левом кармане брюк, другая – поднята в приветствии. Безупречная белая сорочка престижной фирмы и темный дизайнерский костюм. Это было бы слишком обычно, если бы не его умение держаться с таким шиком. Он расправил плечи, поднял подбородок и пошел работать на публику.

Ему пришлось создавать этот образ каждый день в течение десяти лет, но это хорошо работало на всю семью Бересфорд, а теперь вот появился шанс помочь матушке.

Симпатичная брюнетка лет двадцати с книгой в руках тянулась к нему, врезавшись животом в ограждение. Она так низко опустила плечи, что открылся прекрасный вид на ее пышное декольте. Роб быстро шагнул вперед, улыбнулся, тут же появилась ручка, и вот уже на обложке красуется цветистый автограф, а толпа позади девушки беснуется, визжит и выкрикивает его имя так громко, что ломит уши.

Он медленно шел по дорожке. Подписал одну из самых первых книг, потом одну из афиш шоу, идущего в его ресторане.

И тут пошли вопросы. Один мужской голос, другой.

– Появится ли Адель на шоу сегодня вечером или уклонится, как в прошлый раз?

– Где вы прячете маму, Роб?

– Вы поместили ее в тот же реабилитационный центр? Это

единственный приют для художницы в эти дни?

– Верны ли слухи, что она бросит рисовать после этой выставки?

Вопросы сыпались отовсюду, громче и громче, ближе и ближе, становились острее, всем не терпелось узнать, где сейчас его мать.

Они гнали его, как волка на охоте. Жалили сильнее и сильнее, жадно ожидая его реакции. Хотели, чтобы он взорвался. Сорвал камеру с чьей-нибудь шеи, а лучше – поставил кому-нибудь синяк под глазом.

Несколько лет назад он бы так и сделал, потом пожиная плоды. Но сегодняшний вечер не для него, и он не позволит прессе одержать над ним верх. Он притворился, что внезапно потерял слух, и вежливо игнорировал вопросы. Но спокойствия ему это, конечно, не добавило.

Через девять минут он уже дошел до конца ковровой дорожки, улыбнулся толпе, ждущей момента, чтобы сфотографировать его на мобильный телефон. Тут пресса отвлеклась на очередной лимузин; Роб, не ожидая разрешения и не демонстрируя больше хорошего воспитания, повернулся спиной, быстро прошагал последние несколько сантиметров дорожки и вошел в спокойный мраморный вестибюль, где собрались специальные гости. Это было предварительное шоу, еще одна эксклюзивная возможность для художественных критиков восхититься работами, изучить их, не деля пространство с обычной публикой. Хорошая новость. Менее

приятно, что это все те же критики, которые вцепились в его мать, как стая бешеных волков, когда она решилась участвовать в выставке в Торонто.

Тогда вышло скверно. Она визжала и кричала от нервного приступа на публике. Хуже того, ее измученное перепуганное лицо было запечатлено и растиражировано прессой. Вместо того чтобы оберегать хрупкий талант, ее обвинили в том, что своим изнеженным образом жизни она подает дурной пример молодым художникам. Правда, это было восемь лет назад. Другой мир. Другие лица. Другой подход к душевным болезням. Не так ли?

Роб довольно долго стоял у входа, потом взял бокал шампанского и уже собрался войти в круг медийных лиц, но заметил свое отражение в зеркальном отсвете какой-то инсталляции. На него смотрело мрачное темное лицо. Тяжелые брови, прищуренные глаза, подбородок, больше подходящий боксеру, а не покровителю искусств. Черт! Может, показалось.

Нельзя пугать критиков, не дав им шанса даже посмотреть работы. А большинство из них, кажется, наслаждается закусками и напитками.

Быстрый осмотр зала подтвердил: он в ловушке, хотя и есть выход через кухню. Только если... Да! Тут был один человек, который не тратил времени на листание каталогов и бесплатную выпивку перед банкетом, а действительно смотрел картины.

Милая блондинка. Поправка. Очень милая блондинка. Она сидела в одиночестве в дальнем конце галереи и не сводила глаз с произведения, висевшего перед ней.

Роб повернулся спиной к гостям, на ходу кивая знакомым, пересек галерею, еще раз взглянул на все двадцать две картины, которые знал наперечет.

Он мог рассказать критикам историю написания каждой из них, даже о каждом мазке. Где, когда и в каком настроении мать писала их. Сколько часов обсуждалось место и освещение. Сколько отчаяния было в ее стремлении довести каждую до совершенства, до безупречности. До идеала. Об отчаянии, которое охватывало ее, если они не отвечали ее стандартам. И сколько было радости, восторга и веселья, когда она бродила по пляжу в поисках более темной тени.

Однажды, когда он уехал на деловую встречу, она сожгла шесть его любимых полотен на жаровне для барбекю. И какая за этим последовала многонедельная депрессия.

А это уцелевшие картины. Как и та, которую рассматривает блондинка.

Роб вздохнул, надеясь, что хоть кто-то из критиков откликнется на сильные чувства, отразившиеся в этом полотне. Словно мать сейчас находилась здесь и рассказывала миру, как писала картину в тяжелое для себя время, когда депрессия накрыла ее особенно сильно и пришлось возвращаться в ненавистную больницу.

Это, вероятно, единственное произведение, которое он

советовал оставить на ее вилле в Кармеле, в Калифорнии, слишком личное и глубокое, чтобы демонстрировать его миру. Слишком поздно. Оно уже здесь. Не самая большая, но самая интимная и самая откровенная картина из всей коллекции.

Но кто эта женщина, которая вот так сразу заметила ее? Роб несколько минут наблюдал за ней. Она явно не из критиков и не из стаи «гиен Торонто», несостоявшихся художников.

Прямые светлые волосы доходят до плеч, голубое платье без рукавов, длинная шея, удивительно мускулистая, а не исхудавшая, как у большинства художниц, которых он встречал ранее. И она действительно на удивление хороша собой. Из просвета в облаках забрезжил солнечный луч, осветивший кремовые стены и отразившийся на ее коже, которая засветилась и побледнела. Никакого тонального крема. Она правда бело-кремовая, как персик.

А руки? Она обхватила плечи, будто ей холодно. Конечно, в зале прохладно от кондиционера, но дело в другом. Она сосредоточилась на своих переживаниях. Полностью погрузилась в свои мысли. Взгляд устремлен на картину, будто это самый важный предмет в мире. Она замерла. Забыла об окружающем мире. Целиком захвачена картиной. Потому что поняла ее. Это ясно.

И впервые за день, даже за месяц, он почувствовал, как в груди лопнул небольшой пузырек радости, и захотелось

улыбнуться по-настоящему. Осталось только узнать, как ее зовут и...

– Роб. Как я рад, что вам удалось сделать это.

Он прогнал раздражение, потому что это сам владелец галереи подошел пожать ему руку и, похлопывая по плечу, повел к входу – знакомиться с пришедшими журналистами. Роб бегло оглянулся на блондинку, она слегка отодвинулась в сторону и разговаривала по телефону.

Позже. Он сможет узнать об этой женщине позже.

Лотти Роузмаунт хихикала в микрофон мобильного:

– Как тебе не стыдно, Ди Флинн! Ты уверена, что Шон не будет возражать, если я воспользуюсь его отелем для сбора средств? Он и так делает мне большое одолжение.

– Не стоит паниковать, дорогая организаторша. Назовем это выгодой от наличия бойфренда, управляющего сетью гостиниц. Шон ждет, что ты пригласишь весь цвет Лондона и наполнишь его отель знаменитостями. Как только они увидят, насколько шикарна его новая гостиница, считай, работа сделана.

– О да, точно. Выгода? Ничего подобного. Милый Шон будет на седьмом небе, если ты сама попросишь его об этом. Ой нет. Но я тебе благодарна. Ты настоящая звезда! Спасибо, Ди. И удачи на чайных плантациях.

– Ладно, но если вы не будете так волноваться, юная мисс. Да, я слышу по твоему голосу. Не стоит волноваться, что три

сотни человек соберутся субботним вечером. Они едва ли заметят, что Валенсия не в форме. Вот увидишь. – Голос Ди оборвался. – Извини, Лотти. Объявили мой рейс. Буду скушать. Но нам нужен чай! Пока, Лотти.

Лотти несколько секунд подержала телефон в руке, закрыла крышку и вздохнула.

Волнуется? Конечно, волнуется. Вообще дрожит от страха! Она была бы душой, если бы не волновалась.

Что, если она не сможет собрать деньги? Столько творческих, талантливых людей нуждаются в помощи, чтобы начать воплощать свои мечты в жизнь. Стипендии для шеф-поваров, стремящихся повысить квалификацию, – только начало.

Жалко, Ди нужно ехать в Китай на этой неделе. Лотти так нужна ее моральная поддержка. Особенно когда знаменитая повариха, которую она хотела привлечь в качестве основного козыря, сегодня утром отказалась участвовать в сборе средств. Лотти потратила месяцы на уговоры и льстивые речи, прежде чем Валенсия Кагоне, шеф-повар со множеством наград, согласилась принять участие в вечере. Ясное дело, та осталась в Турине с семьей, потому что ее четырехлетние близнецы подхватили ветрянку, и теперь занята лечебными лосьонами и примочками. Недосуг ей думать о других повах. *Спасибо, Валенсия, моя бывшая начальница и наставница. Большое спасибо.*

Несколько секунд Лотти паниковала, но взяла себя в ру-

ки. Этот фонд задуман как начальный проект, и, как учил отец, надо искать альтернативу. Сейчас нужно хорошенько подумать. Лотти поерзала на стуле, пытаясь сесть удобнее. Придется поговорить с владельцем галереи до того, как его денежные клиенты начнут жаловаться, что у них замерзли задницы.

Впервые за последние недели она не разрывается между кондитерской и организацией сбора денег для фонда и получает удовольствие от внезапно появившейся возможности отвлечься. Вряд ли удастся найти время отдохнуть еще раз до намеченного события.

Но она не изменяла себе и сейчас. Каждый раз, когда ее мать покупала новые произведения искусства для интерьера своих клиентов, именно Лотти первой любовалась ими, прежде чем работы становились предметами роскошной обстановки. Это часть дизайнерского бизнеса ее матери. На новой работе ей не хватало времени, чтобы получать удовольствие от искусства.

Конечно, она знала, что управлять кондитерской – это не служба в банке с девяти до пяти, честно говоря, она работала даже дольше. Но ей все нравилось. Кондитерская стала ее мечтой, воплотившейся в жизнь. Когда ее друг – фотограф Йен упомянул, что ищет поставщика канапе и мини-десертов для новой галереи, специализирующейся на современном искусстве, она поспешила воспользоваться шансом.

Лотти оглянулась на главный вход. Посетители заполняли

зону бара с роскошным патио, выходявшим на южный берег Темзы, над которой в этот июньский вечер плыли облака. Погода была такой, как она любила: тепло, дует легкий ветерок. Отлично. Ее кожа не выдерживала жаркого солнца. Слишком светлая. Быстро покрывается веснушками.

Как же хорошо сидеть вот так и наслаждаться картиной, ни о чем не беспокоясь, пока не начался банкет. Все блюда готовы, официанты придут через десять минут, даже художница еще не появилась. Так что у нее в запасе несколько минут на счастливое погружение в себя. Это особое время. Только она и искусство. Лотти расслабила плечи, поводила шеей из стороны в сторону, подняла подбородок и удовлетворенно вздохнула.

Экспозиция состояла в основном из портретов и пейзажей, написанных маслом и выполненных на компьютере, но ее почему-то привлекли картины, висевшие в этом углу зала, освещенные ярким естественным светом, лившимся из окон во всю стену. Лишь одна картина приглушенных и нежных тонов. Небольшой холст в такой же широкой красной раме, как и другие. Но это особая картина. Другая. Лотти видела ее в каталоге, который сделал Йен, и та сразу привлекла внимание. Трудно объяснить, чем она зацепила и не отпускала. Лотти пробежала по картине взглядом.

Хрупкая женщина средних лет в платье до колен без рукавов стояла на песчаном берегу, где росли сосны и пышные средиземноморские растения, и простирала руки к морю.

Лотти почти ощущала, как ветер шевелит шифоновые складки юбки, те вот-вот взмоют в воздух.

Женщина смотрела на море, тянула к нему руки, высоко подняв голову, на губах играла легкая улыбка, ступни почти увязли в песке.

В сумерках горизонт прорезали, казалось, обычные красно-золотые и абрикосовые полосы, размытые набегавшей темнотой. Скоро станет совсем темно. Лотти знала, женщина все равно будет стоять до самого последнего момента, всматриваясь в море, пока не угаснет последний проблеск дня. Пока теплится последняя надежда на счастье.

По щеке побежала слезинка, Лотти, несколько раз шмыгнув носом, потянулась за носовым платком, но вспомнила, что оставила упаковку с платками в кондитерской, пришлось довольствоваться бумажной салфеткой.

Последний шанс. О да. Кому, как не ей, знать об этом. Еще три года назад она была бизнес-клоном в костюме, заключенным в помещение Национального инвестиционного банка, где ее отец проработал тридцать пять лет. От нее требовалось только сидеть, опустив голову, говорить нужные вещи и делать, что прикажут. Все. Ясная и понятная карьера открыта. У нее даже был идеальный бойфренд с правильными рекомендациями, на одну ступень опережающий ее на карьерной лестнице. Можно ли представить более совершенную жизнь?

То, что она ненавидела свою работу, ее тошнило каждое

утро, не причина отказываться от нее, ведь ей платили такие большие бабки. Не так ли? Но в один судьбоносный день притворство и ложь исчезли, она осталась ни с чем. Стоя на песке, как та женщина на картине. Протягивала руки к морю в поисках нового пути и новой идентичности. Она перестала быть стальной Чарли, девушкой с шестизначным окладом, делающей карьеру, которую выстроил ее отец в инвестиционном банке.

Она поступила на курсы поваров-кондитеров. Ой, не так. Та девушка умерла. А девушка, сидящая сейчас со слезами на глазах, кондитер Лотти. Настоящая девушка, с настоящими чувствами, которые она научилась испытывать за эти три года, и болью, которая еще не прошла. Она подстерегала в совершенно неожиданные моменты, как сегодня, когда начинали переполнять эмоции, в которых она тонула, как в море.

Впервые за долгое время она позволила себе спрятать личину, которую надевала на публике, и показать всем, что ей больно. Глупая женщина! Это всего лишь усталость и невыразимое одиночество сделали ее уязвимой. Бумажная салфетка начала рваться, она поспешила убрать ее в сумку.

Может быть, к концу вечера, когда все разойдутся, она сможет несколько минут поговорить с художницей о «Последнем шансе». Возможно, Адель Форрестер сможет ответить на пару вопросов о том, как воспользоваться последним шансом и изменить жизнь. И что делать, если большинство

друзей, которые считались близкими, стоило тебе покинуть общую лодку, пришли к выводу, что между вами больше ничего общего, и перестали отвечать на телефонные звонки? Начиная с бойфренда с такими хорошими рекомендациями.

Лотти поморгала, потеряла щеку тыльной стороной ладони. Пора поправить макияж и подготовиться к рок-н-роллу. Ей предстоит подать гостям двести канапе.

Поторопись, пора.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как кто-то подошел и встал рядом, теперь они вместе смотрели на один и тот же холст. Тишина затягивалась.

– Она само совершенство. Как ей удалось это сделать? – начала Лотти. – Выразить в этом плоском образе столько чувств? Невероятно.

– Талант. И глубокое чувство места. Адель знает, как выглядит этот пляж в любое время дня и года. Посмотрите, как она выписала океан и небо. Это возможно, только если постоянно наблюдаешь за ними.

Лотти снова заморгала, на этот раз от удивления.

Он понял, эхом повторив мысли, которые вертелись у нее в голове.

Как ему это удалось? Дрожь в его голосе неожиданно успокаивала и ободряла. Значит, не она одна это видит в произведении. Как такое возможно?

Обезоруживала его осведомленность, он говорил о картине с таким увлечением.

Однако суровая реальность вернула ее в пространство, она почувствовала себя неловко. Йен говорил, что это было предварительное шоу для художественных критиков и СМИ. Этот человек, вероятно, друг Адель Форрестер и прекрасно знает историю написания картин. Может быть, он сможет ответить на ее вопросы? Лотти подняла голову и подвинулась на скамье, чтобы видеть его лицо.

Зал замер.

Словно все вокруг стало прокручиваться в замедленном темпе, как на видео.

Смех и разговоры элегантно одетых людей превратились в слабый гул. Даже воздух как будто сгустился. Лотти медленно и тихо проглатывала его, как желе. Неужели это правда?

– Роб Бересфорд. – Она стиснула зубы.

У нее дурная привычка озвучивать мысли. В смущении она приоткрыла рот.

А почему бы и нет? Роб Бересфорд. Самый нелюбимый шеф-повар в мире. И человек, который пытался походя разрушить ее карьеру.

Глава 2

– Собственной персоной, – пожал плечами Роб.

И, не спрашивая разрешения, не извиняясь, сел рядом с ней на скамейку, вытянув ноги к стене с картинами. – Надеюсь, вам нравится выставка? Это произведение действительно замечательное.

Лотти попыталась собраться с мыслями и вставить хоть слово. Но не смогла.

Роб Бересфорд. Последний человек из всех людей, кого она ожидала увидеть на закрытом просмотре.

Он выглядел как на постере – идеальный знаменитый повар. Стильный костюм. Прическа. Модная небритость. Черт бы побрал портного, который сшил одежду, столь безупречно сидевшую на его фигуре. Даже под этим лощеным обличем скрывался старина Роб.

Она могла судить об этом по его походке. Хвастун. Поводки и надменно поднятая голова делали его похожим на капитана корабля, высматривавшего в океане пиратские суда, груженные сокровищами. Он не изменился с их последней встречи тремя годами ранее.

Когда уволил ее с первой работы в ресторане.

Одна мысль о том дне превращала ее в ледяной айсберг, способный потопить «Титаник».

Она тогда начинала ученицей на кухне в отеле «Берес-

форд». Проработала всего три месяца, когда могущественный Роб Бересфорд ворвался в кухню и потребовал, чтобы идиот, приготовивший шоколадный десерт, вышел в обеденный зал и извинился перед посетителем, который чуть не сломал зуб о каменную выпечку.

Роб был явно унижен и расстроен, поэтому искал козла отпущения, на которого свалил бы всю вину. Главный кондитер взглядом указала в ее направлении, она почувствовала, как Роб схватил ее за грудки поварского халата и притянул к себе так близко, что она почувствовала щекой его жаркое дыхание. Гневные обвинения останутся в ее сердце и памяти на всю оставшуюся жизнь.

– Вон из моей кухни, идите снова в школу, и никаких оправданий. Из вас никогда не получится настоящий повар, вам нечего делать в этом бизнесе, уходите сейчас же и избавьте нас от напрасных усилий. Никто не останется безнаказанным за то унижение, которое я испытал.

Потом он убрал руки так быстро, что она упала бы, если бы не стальная столешница. Роб продолжал сотрясать воздух: «Я не хочу видеть вас здесь завтра. Ясно?»

О, ей было все ясно. Она прекрасно поняла, как несправедливо и предвзято шеф-повара относятся к ученикам. Она подождала, когда шеф по соусам перестанет раболепствовать, положила на тарелку новый десерт, сбросила халат и выскользнула в заднюю дверь до того, как главный кондитер, страшная Дебра, пьяная настолько, что едва держалась

на ногах, смогла вставить хоть слово.

С этого момента она поклялась работать только на себя. Все равно в каком деле. Возникает вопрос: что он делает сегодня вечером в художественной галерее? Покупает картины для своих ресторанов? Скорее всего, в зале есть кто-то, кто может посодействовать его карьере.

Посмотреть на других и показать себя – девиз Роба Бересфорда. Так было всегда, и из того, что она читала в прессе и видела на телевидении, за последнее время ничего не изменилось. И если он притворился, что знает об этой картине, – это малая цена за его личное продвижение вверх. Самое унижительное, что он даже не узнал ее. Она не собиралась напоминать.

Лотти подняла руку и убрала волосы с шеи. От гнева ее бросило в жар. Сильный и низкий голос Роба, казалось, резонировал в ее голове, а в животе вдруг запорхали бабочки. Его присутствие наполнило пространство между ними, и было тесно, словно ее зажали между стеной и скамейкой. В прошлый раз он возвышался над ней и пронзал глазами как лазером, она не желала повторения.

И это больше не повторится. Сейчас они на равных.

Четко очерченные линии челюсти и скул еще больше обращали внимание на его роскошные полные губы. Сломанный нос слегка изгибался сразу под переносицей. И слава богу. Если бы не это, Бересфорд выглядел бы еще великолепно, чем тогда, когда они виделись последний раз.

Роб потянулся за бокалом шампанского, ткань рубашки натянулась на груди. Нет, в мире нет справедливости, этот человек создавал кулинарные шедевры и сам выглядел как образец для подражания. И прекрасно знал об этом.

Плавным движением он поддержнул рукав пиджака и обнажил руку с темной татуировкой, бежавшей от запястья вверх, в том же стиле, что и другая, на груди, под белой вечерней рубашкой с расстегнутым воротом.

На долю секунды Лотти задумалась, что за рисунок у него на мощной груди? Потом отбросила эти мысли. Боди-арт и кулинария? О, в этом что-то есть. Еще один способ привлечь к себе внимание. Самовлюбленный тип!

В мире высокой кухни невозможно не столкнуться с Робом Бересфордом на кулинарных конкурсах. Во время награждения победителей она сидела в задних рядах с простыми смертными.

И конечно, телевизионные шоу. Нужна смелость, чтобы выйти на непривычную кухню и советовать шеф-поварам, как лучше управлять ресторанами. Но у него всегда были ответы на все вопросы.

Телезрители не знали, сколько неудач, слез и семейных травм было у этого совершенно незнакомого им человека за долгие годы работы. Но передача шла уже третий или четвертый сезон. Зачем все это? Всеобщее помешательство. Уж она-то никогда не станет в этом действе участвовать, поскольку ненавидит таких, как он, играющих с жизнями дру-

гих людей, заставляющих плясать под свою дудку. Невнимательных эгоистов. Сурово? Может быть. Зато правда.

Что она пообещала себе, уволившись из банка? Не лгать. Не обманывать себя. Никаких наполеоновских планов. И никогда не играть по чужим правилам. Роб Бересфорд игрок, но она не собиралась играть по его правилам.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Нет. Не так. Он, казалось, изучал ее. Она уже приготовилась, что он начнет инспектировать ее пронзительными синими глазами, давая оценку ее красоте, оглядывая с головы до ног. Но он не стал. Его глаза остановились на ее лице, словно он искал и находил в нем что-то важное для себя. Уголок рта приподнялся в легкой улыбке, привлекавшей ее внимание к его губам, которые хотелось поцеловать.

– Мне кажется, мы где-то встречались. Так неудобно, я забыл ваше имя. Не поможете вспомнить?

Его голос, сравнимый с соусом из горячего шоколада поверх лучшего карамельного мороженого, мог заставить сердце любой глупой девицы забиться от восторга. Он говорил с более сильным, чем обычно, американским акцентом, вряд ли это удивительно. Акцент или, можно сказать, намек на него лишь добавляли обаяния.

Что она может? О, и это лучшее, что он мог придумать?

Она почувствовала себя почти оскорбленной.

Неужели знаменитый Роб Бересфорд не нашел лучшего способа познакомиться? Или он сегодня не в форме? Да,

что-то с ним сегодня не так. Может, меньше высокомерия? Неудивительно. Явно умеет работать на публику, если верить прессе.

– О, пожалуйста. Неужели эта фраза все еще работает?

Роб удивленно поднял брови, сексуальная улыбка, призванная размораживать замороженные продукты с двадцати шагов, потухла, словно кто-то выкрутил лампочку.

– Иногда. Но теперь я еще больше заинтригован. Снимите груз с моей души. Мы не встречались раньше?

– Возможно. – Она взмахнула ресницами и повернулась к холсту. – Никак не ожидала встретить вас в художественной галерее. Вы сменили сферу деятельности? Или, может быть, хотите встретить девушку другого типа? Говорят, нынче музеи и галереи очень популярны только в определенных кругах. Признавайтесь, откуда вы знаете работы Адель Форрестер? Вы ее поклонник. Я права?

Она слышала, как он коротко вздохнул.

– Может, и поклонник. Есть идея. Я, кажется, вас заинтересовал, а вы заинтересовали меня. Что, если я отвечу на ваш вопрос. А вы ответите на мой? Простой обмен. Вопрос за вопрос. Что скажете? Заключим сделку?

Лотти подняла брови, покосилась на него:

– А я могу доверять вам, вы сдержите слово?

– Обижаете. Вполне можете довериться. Только один раз. Обещаю, что не буду задавать личных вопросов. Честное скаутское.

– Вы никогда не были скаутом!

– Две недели на острове Райт, обгорел и научился разжигать костры. Я отлично все помню. Вы не ответили на мой первый вопрос.

Лотти почувствовала подлинный интерес под его напряженным взглядом.

Может, потратить несколько минут на разговор с ним? На равных? Притвориться, что они никогда не встречались? Для разнообразия. Не все же время разговаривать с Йеном о фонде и рекламном альбоме, которыми она занята в последнее время. Было бы даже забавно посмотреть, как он будет ломать голову над тем, где и когда они встречались.

– Ладно, – непринужденно ответила она.

– Ладно? Точно?

– Это все, чего вы от меня добьетесь. Получите, что хотели. И я буду первой. Мой вопрос. Помните его?

– Конечно. Да. Я знаю Адель Форрестер и, да, я ее большой поклонник. Люблю все, что она когда-либо выставляла, и еще больше – что осталось невыставленным. Удовлетворены? Хорошо. Теперь моя очередь спросить. Потому что, на какую бы газету вы ни работали, они выбрали прекрасную кандидатуру вести раздел о развлечениях. Итак. Какое имя я должен искать под обзором выставки Форрестер?

Лотти чуть прикусила губу, чтобы не улыбнуться. А, так он думает, что она одна из искусствоведов. Отлично. Она будет действовать инкогнито. Это забавно.

– Шарлотта. Можете называть меня Чарли. Я откликаюсь на оба имени.

– Чарли, – тихо повторил он, два раза моргнул и покачал головой. – Художественного критика зовут Чарли. Я должен был догадаться о чем-то в этом роде.

Волосы упали на лицо, он привычным, отработанным жестом отбросил их назад, хмыкнул и засмеялся во весь голос:

– Спасибо. Так мне и надо. А у Чарли есть фамилия?

Терпение. Она не собиралась позволять этому высокомерному типу выиграть в маленькой игре. Ее фамилия сразу же завершит ее.

– Вы нетерпеливы. Это уже новый вопрос. Теперь моя очередь. – Лотти повернула голову к холсту и вытянула губы.

Он достаточно повидал критиков в галерее у мамы, чтобы вполне достойно играть роль в течение нескольких минут.

– Это очень интересное произведение, отличается от других картин выставки. Большинство пейзажей написаны яркими красками, а портреты просто выпрыгивают из рам, они ужасны. Но эта более... – Лотти поводила рукой по воздуху, пытаясь найти определение, и не могла.

– Интроспективна? – подсказал Роб. – Это вы пытались сказать? Краски выражают настроение Адель. У каждого художника своя манера и свой характер. Темнота заставляет свет сиять еще ярче. Не находите? – С этими словами он повернулся и улыбнулся ей тепло и с подлинным чувством, осветившим его лицо от нежного изгиба полных губ до лег-

ких морщинок в уголках глаз.

За годы работы в жестком мире банков, где неверный телефонный разговор стоил миллионы, Лотти научилась разбираться в людях и гордилась этим. И эта версия Роба Бересфорда потрясла ее.

Он говорил искренне, был таким спокойным, сосредоточенным и обычным в этот момент. Просто мужчина из художественной галереи, беседующий о художнике, которым восхищается. Откуда это в нем? Неужели так изменился за прошедшие несколько лет?

– Вы не считаете себя художником, Роб? В СМИ часто высказывают эту точку зрения.

Его глаза расширились.

– Чарли! Каждый шеф должен держать в голове, что он создает художественное произведение на тарелке. Цвет, вкус, текстура. Но художник? Нет. – Вскинув голову, он удивленно поднял брови. – Вы удивили меня, Чарли. Неужели вы верите всему, что пишут в прессе? Не хотел бы вас разочаровывать.

– А, поняла, почему мне никогда не хотелось искать популярности. Цена славы. Это, должно быть, утомительно. Все время играть роль на публике, когда хочешь остаться дома и смотреть по телевизору реалити-шоу в пижаме с чашкой горячего шоколада.

– Ну и ну. Вы озвучили одну из моих личных фантазий.

Он замолчал и подвинулся к ней ближе. Слишком близ-

ко. Загородил ей вид на зал, заставив сосредоточить взгляд на его полных губах. Провел по ее щеке от уха до шеи пальцем. Прикосновение вышло таким легким, что Лотти вполне могло это почудиться.

Было бы ложью сказать, что ей все равно, потому что через секунду после прикосновения она судорожно вздохнула и приоткрыла губы, обнаруживая самым унижительным образом, что оно не прошло незамеченным. Напротив, шея уже пламенела от смущения. Репутация Роба Бересфорда в отношениях с женщинами хорошо известна в мире кулинарии. Ходило немало слухов о том, как и кого он соблазнил и быстро бросил. Она сама была тому свидетелем.

Только дрожь от его сексуальной привлекательности не изменит ее отношения к нему. Это биология и подавленное либидо сыграли с ней дурную шутку. Она всмотрелась в его лицо.

С такого расстояния было видно, что у него глаза не просто синие, а разных оттенков – от стального до ярко-синего, как вечернее небо. Они гипнотизировали. Полностью и совершенно бесстыдно обезоруживали.

Не успела она запротестовать, как Роб наклонился к ней так, что его нос уперся в ее лоб, жаркое дыхание обдало ее лицо. Не спрашивая разрешения, он обнял ее, поддерживая изогнувшееся тело. Полностью контролируя ее. Его губы задрожали и раскрылись. Он был готов поцеловать ее. Инстинктивно она просунула язык сквозь его раскрытые губы,

но вдруг увидела улыбку.

Черт. Она попала в расставленные сети.

– Что вы делаете? – выдохнула она, высвобождаясь из объятий. – Это возмутительно. Не выходите из роли? И не пытайтесь, пожалуйста, флиртовать со мной, мистер Бересфорд.

– Вечная история. Еще одна дурацкая фантазия. – Роб опустил руки, соскользнул со скамьи и выпрямился во весь рост, чтобы во время разговора смотреть вниз. – Кроме того, очень не хотелось бы, чтобы вы решили, будто я всегда так поступаю. Возможно, вашим читателям это будет слишком трудно понять. Хотя кто знает? Вам могло показаться, что я просто пришел насладиться искусством перед сном.

Он впился взглядом в ее глаза, не давая отвести взгляд. Теперь они были сверкающие, как лазер. Яростные. Мурашки побежали по ее рукам и шее, и кондиционер был здесь совсем ни при чем.

Похоже, Роб снова в дурном настроении, как это частенько случалось.

Нехорошо. Совсем не хорошо. Холодные мурашки сменило жгучее негодование. Лотти сжала губы. Кто дал ему право разговаривать с гостями в таком тоне? Еще минута, и она вскочила бы и дала отпор, припомнив все – начиная с того дня, когда они виделись в последний раз.

Лотти сжала кулаки и приготовилась выдать ему пару подходящих случаю крепких словечек, усвоенных еще во вре-

мена работы в банке. В этот момент он разорвал зрительный контакт и на секунду, расправив плечи, взглянул на нее:

– У меня есть совершенно безумная идея. Плюс теперь моя очередь задать вопрос. Вас не затруднит пройтись со мной по всей выставке? Пора вам высказать свое экспертное мнение о других картинах.

Роб провел рукой по волосам, переводя взгляд с блондинки на зал. Повеселевшие гости разбрелись по залу. Он беззвучно ругал себя, что так глупо сорвался и выдал свои чувства девице, которую совсем не знал. Он так устал валять дурака на камеру. Устал от показных эмоций и восторгов, которые выставляли его в наилучшем свете. Было бы здорово, если бы его хоть раз восприняли всерьез.

Он был единственным ребенком Адель Форрестер. Разве понять прессе да и этой привлекательной блондинке, насколько ему ненавистен мир искусства после того, как он потратил столько драгоценного времени в компании женщины, еще более одержимой, чем он?

– Вы хотите услышать мое мнение о других картинах, мистер Бересфорд?

– Точно. Думаю, официанты уже пришли. Почему бы нам не взглянуть, какие кулинарные радости приготовили в галерее для сегодняшнего вечера, пока не подошли ваши коллеги? Никогда не угадаешь, может, там даже окажется что-то съедобное! Да, Чарли, сегодня вы можете забыть о Бересфорде. Я просто Роб. Думаю, вы согласитесь? Не боитесь

рискнуть?

Он предложил ей руку, она посмотрела на нее, ощутила его взгляд на своем лице и вызывающе взглянула на него:

– Опасность – мое второе имя. Думаю, я справлюсь с вашим предложением, Роб.

Как только она встала и взглянула в сторону, увидела кое-кого за его спиной.

– Ого. Долг зовет. Я бы с удовольствием прошла, подпитывая ваше эго чуть дольше, но нужно вернуться к работе. Может, в другой раз. Хорошего вечера. Чао. – И, слегка взмахнув рукой, ушла, нет, поплыла по залу, словно босиком, давая ему возможность полюбоваться отлично сшитым платьем и стройными ножками.

Он мог обнять ее за талию одними ладонями. А как она держала голову!

Динамит.

Эта девушка не шла, а плыла. Высоко держа голову. Спокойно и сосредоточенно глядя вперед, зная, куда направляется. Будто лебедь на озере. Пожалуй, самое лучшее сравнение, подходящее к ее сдержанной элегантности, затаенной и соблазнительной одновременно. По одной походке видно, что она выросла в давно разбогатевшей семье плюс образование и все, что к этому прилагается. Либо она лучшая актриса из всех, кого он когда-либо встречал, а уж он-то повидал актрис. Голливуд и Бродвей. Класс «А» и класс «Б». Все они одинаковы под яркой оберткой. Девушки, готовые повто-

рять написанные кем-то слова.

Но Чарли – художественный критик, единственная в своем роде. И в его сумасшедшем мире это уникальное свойство. Кто эта женщина и что он сделал такого, что ее расстроило? Они явно встречались раньше. И, судя по ледяному взгляду, которым она смерила его, это не самый лучший поступок в его жизни. Оставалось выяснить, что за преступление он совершил. Роб никогда не пасовал перед трудностями. Он собирался выяснить ее имя еще до окончания этого вечера.

– Чарли. Одну минуту. – Он пошел за ней через выставочный зал к зоне банкета, где официанты накрывали стол.

День выдался долгим, его биологические часы давали о себе знать. Возможно, пришло время показать, что дама ему понравилась, вдруг потом будет что вспомнить? Он быстро догнал ее и удивился, когда она зашла за барную стойку.

– Стойте. Вы так и не представились. Не дали визитку. Электронной почты. Телефона, наконец, если придерживаетесь старой школы. Вернитесь. Вы же знаете, что захотите снова связаться со мной. Для последующих вопросов.

Голос Роба затихал по мере того, как он приближался к ней.

– Вы надели фартук. Обслуживаете столики?

– Вы правы. Пожалуй, не все слухи о вас правдивы. Вы умнее, чем кажется. – Чарли обменялась с ним взглядами, одновременно давая инструкции студентам-художникам, под-

рабатывавшим официантами. — Надеюсь, у вас есть чувство юмора. В противном случае — совсем плохо. Вы же видите, я не художественный критик. И никогда не была. Вероятно, никогда и не буду. Я повар, обслуживаю закусками этот вечер. — Прежде чем Роб смог вставить слово, Лотти взяла поднос с горячими закусками и показала ему. — Могу ли я заинтересовать вас одним из скромных пирожков? Думаю, именно это вам сейчас нужно.

Глава 3

– Не сейчас, спасибо.

Роб взял одну из визиток, которые Лотти положила рядом со специями, и, пока читал вслух, что там написано, на лбу пролегла глубокая морщина.

– Лотти Роузмаунт. Чайная-кондитерская? Там же и Ди Флинн.

Лотти почти видела, как работает мозг Роба, пока он переводил взгляд от визитки на закуску и на ее лицо. Правда, это длилось какие-то миллисекунды.

– Пожалуйста, скажите, что вы не Лотти Роузмаунт, – простонал он наконец.

Она затаила дыхание, улыбнулась и быстро кивнула.

Время вышло, игра окончена. Пора возвращаться к работе.

– Извините, не могу. Жизнь иногда очень несправедливая штука. Вам не кажется? Добро пожаловать в мой мир, мистер Бересфорд.

Стыд. Ей понравилось, что ее ненадолго приняли за эксперта по живописи. Теперь пора возвращаться к простужке Лотти, которая печет пироги. Любопытно наблюдать, как меняются ожидания людей, когда она говорит, что зарабатывает на жизнь изготовлением выпечки. Тем не менее она не ожидала увидеть такого удивления на лице Роба. В кон-

це концов, он тоже в этом бизнесе. Пора вставить слово и взять контроль на себя, пока он все еще находился в стадии сомнений и раздумий.

– Я же говорила, меня зовут Шарлотта, у этого имени много сокращений, и забавно менять имена время от времени. Так, для разнообразия.

– Лотти Роузмаунт. – Он медленно кивал, даже слегка присвистнул. – Не верю. Значит, вам нравится играть с людьми, Лотти? Или существует еще одно имя для светских вечеринок?

Играть. Черт, нет. Не ему обвинять ее в обмане.

– О нет. Лотти вполне подходящее имя. А что касается игр, напротив, это не в моих правилах.

В ответ он закашлялся и жестом показал на скамью, которую уже заняли другие.

– Но вы только что, сейчас, обманули меня, прикинувшись критиком. Вам действительно понравилась картина или просто хотели произвести на меня впечатление?

Она услышала раздражение в его голосе и, к своему стыду, обрадовалась.

– Я и не говорила, что критик. А что касается желаний произвести впечатление, скажу: кто-то слишком высокого мнения о себе. Так, на заметку, я всегда любила современное искусство, и мне очень понравились эти работы. Особенно та картина. Этого достаточно? Или вы из тех, кто думает, что люди из ресторанной obsługi должны помнить свое место?

Не высовываться. Чтобы не смущать руководство.

Он напряг спину и, казалось, вырос еще на двадцать пять сантиметров.

– Нет. Я не из таких людей, Лотти. Правда.

Эти слова проникли в ее мозг, подавая смешанные сигналы. Он вел себя так, словно она оскорбила его. Ну и отлично.

– Хорошо. Мне очень понравилась картина, и я рада, что у меня была возможность ее увидеть. Значит, у нас есть общие интересы. Думаю, справедливо, что я поделилась с вами одним из своих предпочтений до того, как сюда нагрянули толпы голодных журналистов.

– У вас есть еще предпочтения? Пожалуйста, продолжайте. Не хотелось бы, чтобы вы нарушали свои принципы. Упаси господи.

Лотти с трудом проигнорировала сарказм, ей удалось это сделать, только сосредоточенно открывая коробку с выпечкой.

В следующий момент Роб обнаружил, что держит в руках десертную тарелку с куском пирога. Он принялся:

– Лимонный бисквит?

– Надеюсь, вам понравится. Галерея дала мне строгие инструкции, сообщив, что Адель Форрестер требовала, чтобы было два вида десертов. Кусочки торта с темным шоколадом и лимонные бисквиты. Теперь я не могу идти на попятный. Пробуйте!

Он откусил пирожное, она не отрываясь следила за ним.

Ни у одного мужчины она не видела столь чувственных губ. О боже, их так хотелось съесть. Кончик его языка соблазнительно высунулся и слизнул каплю лимонного соуса. Волна необузданных неподдельных чувств обрушилась на нее. Неожиданно и почти невыносимо. Странно, что при этом стало так хорошо.

Сделай это снова. Пожалуйста.

Лотти не понимала, что не дышит, пока очень громкий звонок не вывел ее из транса. Она автоматически выложила остальные пирожные на тарелки и красиво разложила их на буфетной стойке, чтобы гости могли брать сами. Звонок спас ее.

Роб опустил тарелку, небрежно вытащил телефон, проверил звонки. С щелчком закрыл крышку.

– Интересное пирожное. Но мне надо идти встречать милую даму. Я вас еще найду. – Он улыбнулся Лотти, подмигнул и добавил: – Можете спорить по этому поводу.

* * *

Найду вас? Конечно, найдет.

Его сводный брат Шон по уши влюблен в ее лучшую подругу и бизнес-партнера Ди, и, если она правильно понимает, скоро состоится помолвка, а свадьба намечается на конец года. И рядом с Шоном будет его лучший друг Роб.

Она собиралась терпеть Роб ради Ди. А теперь? Он пыта-

ется флиртовать с ней. Да-а-а. И почему он такой... такой...

А кто эта милая дама? Какая-нибудь знаменитость? Или эта его супермодель, о которой рассказывала Ди.

Лотти непринужденно повернула голову и увидела Роба. Он спешил к высокой элегантной и очень стройной пожилой женщине, которая входила в двери галереи. Она подняла руку в приветственном жесте. Как только она заметила Роба, громко вскрикнула, потянулась к нему, тепло и нежно обняла. Лотти догадалась, что они дороги друг другу. Он казался совершенно счастливым, взял ее под руку и повел в зал, освещая путь ослепительной улыбкой, которую следовало бы запатентовать в какой-нибудь энергетической компании. Когда они подошли ближе, Лотти поняла, что смотрит на самую Адель Форрестер. Узнала характерные скулы и профиль, которые видела на постерах и в каталоге выставки, который делал ее друг Йен.

Адель была мила, счастлива, смеялась и получала удовольствие от происходящего.

Ну вот еще одна иллюзия лопнула. Прощай, измученная художница, написавшая чудесный пейзаж с женщиной на берегу, высматривавшей свой последний шанс. Она явно в ударе в данный момент. Звезда шоу. Роб Бересфорд сопровождал ее, и они оба прекрасно проводили время.

Роб Бересфорд и Адель Форрестер.

Этот вечер явно полон сюрпризов. Неудивительно, что он эксперт по работам художницы, раз они такие большие

друзья. Не любовники. Это видно. Нет. Никакой неловкости первого прикосновения. Они, казалось, очень близки друг другу, почти как лучшие друзья или семья.

Любопытно. Она не ожидала этого. Наверное, можно позвонить Ди и спросить, не говорил ли Шон о том, что Роб знает Адель Форрестер.

Владелец галереи и несколько гостей направились пожать руку Адель, улыбаясь, окружили ее, стремясь привлечь внимание. Лотти пыталась заглянуть за их головы, но напрасно, Адель окружили плотно.

Один из студентов-официантов вышел из кухни, неся поднос с горячими канапе, только что вынутыми из печи.

Шоу началось!

Он знал, что так и будет. Хуже того, это его собственная ошибка. Не следовало оставлять мать в отеле одну с шампанским, которое прислали из галереи, и несколькими упаковками лекарств.

Он отвлекся на милую блондинку, которая не оправдала его ожиданий. А теперь милейшая матушка парила в алкогольных парах. Она будто летала над головами гостей, время от времени опускаясь на землю, чтобы поддержать вежливую и довольно связную беседу с теми, кто мог сделать ее жизнь несчастной, если она сорвется. Он должен ее спасти. Иного пути нет. Самая важная выставка в карьере, а она описывает свой стиль художественному критику из самой крупной га-

зеты Лондона как стиль калифорнийского дождя.

Проблема в том, что она обожала говорить о своем искусстве. Это был ее мир, и она удивительная. Не хватать же ее под руки и не тащить домой, это не только унижительно, но и трудновыполнимо. Не сработает.

Он включил план «Б», самую старую тактику в мире: отвлекать и отступать. Сейчас все будет зависеть от того, насколько долго он сможет очаровывать дам-искусствоведов, чтобы те не заметили, что художница несет полную чепуху. Время покажет.

– Лимонные бисквиты! О, как вы догадались. Самые мои любимые. Вы просто гений, а я даже не знаю вашего имени. Как неловко. Мой сын никогда не готовит лимонных бисквитов, как бы я ни просила.

Лотти улыбнулась и положила на тарелку три пирожных сразу:

– Лотти Роузмаунт. Мне сказали, что ваш агент сделал специальный заказ, мисс Форрестер.

– Вот еще одна причина моей любви к Салли. И пожалуйста, называйте меня Адель.

Художница полезла в сумку и вытащила красивый вышитый носовой платок, уже мокрый. Вытерла глаза, несколько раз поморгала.

– Поверите ли? Я ждала эту выставку восемь лет, а накануне простыла. Мне уже лучше, но голова болит!словно ее

набили ватой. Извините, дорогая. Пора принять таблетки от простуды, которую я подхватила утром. Они просто поставили меня на ноги.

Адель бросила таблетку в рот и запила огромным глотком шампанского, вытерла губы.

– Очень вкусно.

Лотти быстро взглянула на коробочку от лекарств, которую та оставила на столе:

– Э, Адель, таблетки. Вы уверены, что их можно принимать в таком количестве, да еще с алкоголем?

– Один раз в день? Да? Так они быстрее действуют. – Адель положила руку с прекрасным маникюром на руку Лотти и сжала ее. – И поддержат меня в течение всего вечера, дорогуша. Я готова рискнуть. Я так долго ждала этого вечера и не хочу пропустить ни одного мгновения.

Она заулыбалась, осветив всю комнату:

– А... Это мой сын. И положите мне еще этих симпатичных кусочков. Пока он не утащил меня и не напомнил, что пора ложиться спать.

Адель с совершенно невыносимой гримасой подмигнула и быстро захлопала ресницами.

– Девушка всегда может позволить себе лишний кусок пиццы. Не так ли? А, Роб. Как всегда вовремя. Помогите своей старенькой мамочке, подержите бокал, пока я буду пробовать пирожные, хорошо, детка? Они так замечательно выглядят.

Лотти вздохнула и перевела взгляд с рук Адели на лицо

Роба, мужчину, который сидел с ней на скамейке, слушал ее детский лепет по поводу картин и ничем не выдал своего близкого знакомства с Адель Форрестер. Эта милая женщина явно удивительно талантлива.

И доводится ему матерью.

Ну как назвать такого человека, как Роб? Уж конечно, не деткой.

И он еще обвинял ее в нечестности!

О, Адель. Где все пошло не так?

Змей-искуситель ждал, когда Адель заговорит с Йеном и пойдет к зоне обслуживания.

– Чарли... я имел в виду Лотти. Хорошо, что вы еще здесь. – Роб огляделся и перешел на шепот: – Мне нужен черный ход из галереи, и быстрее. Говорите, где он?

Он забарабанил пальцами по столу, весь его вид просто кричал о нетерпении и беспокойстве. Лотти посмотрела через его плечо на группу хихикающих журналисток в строгих черных костюмах, те, наклонившись, рассматривали фото на своих мобильных телефонах и бросали вполне определенные взгляды в его сторону, поправляли прически и обновляли слой блеска на губах, что, казалось, беспокоило их больше всего.

– Понимаю, – ответила Лотти с той же профессиональной улыбкой, которая была на ее лице весь вечер и от которой у нее уже болели челюсти. – Владелец сделал план помещений. Вы найдете его за головой бармена. – Она показала на боль-

шой плакат рядом со столиком с напитками. – В чем дело, Роб? Хотите улизнуть, пока девицы не набросились на вас?

Улыбка сошла с его лица, он слегка повернулся к ней и смерил испепеляющим презрительным взглядом, снискавшим ему известность на кулинарных шоу. Во взгляде не было гнева, как в тот день, когда он уволил ее, но Лотти отпрянула и попятилась:

– О боже, неужели эти страсти из-за меня? Надеюсь, вы не хотите, чтобы у вас навсегда осталось это выражение лица? – Она слегка наклонилась и подмигнула ему. – Я много лет проработала в банке, и меня не так просто напугать сердитыми взглядами. То же самое относится к громким крикам и хмурым бровям. Все это на меня не действует. Не стоит продолжать.

Брови Роба поползли вверх, он уставился на нее с подлинным изумлением.

К ее радости, его крепко сомкнутые губы изобразили легкое подобие улыбки.

– Ладно, будь по-вашему. Извините, мисс Роузмаунт, не могли бы вы мне показать, где находится боковой выход через кухню?

Она складывала освободившуюся посуду в пластиковый короб:

– Конечно, мистер Бересфорд. Если вы пройдете через те двери и пройдете примерно десять метров мимо посудомоечной, там будет пожарная дверь, ведущая к главной лестнице.

це. Она выходит на задний двор.

Он выпалил «спасибо» и бегом устремился мимо нее.

– Пожалуйста, – пробормотала она ему в спину.

Что происходит? Точнее, из-за кого весь этот переполох?

Лотти упаковала последнюю тарелку и скатерти в ручной короб и оглядела зал.

Он явно не хотел встречаться здесь с кем-то сегодня вечером. Но с кем? Большинство искусствоведов уже ушли, когда закончились закуски, и Адель, наверное, в десятый раз за последние два часа обходила зал, рассказывая о каждой картине снова и снова, пока не вернулась к бару пополнить бокал. Вероятно, он встретил бывшую подружку и не хотел, чтобы их сфотографировали. Кто это мог быть? Ее внимание привлекла ослепительная вспышка перед одной из самых больших картин, раздался очень громкий и резкий женский смех.

У Лотти оборвалось сердце. Она внезапно поняла причину, по которой Роб хотел покинуть галерею через черный ход.

Адель Форрестер.

Она врезалась в одну из крупных инсталляций очень известного художника, только по счастливой случайности владелец галереи успел подхватить ее под руку, чтобы не случилось еще большего конфуза. И это в день открытия выставки.

Ой-ой-ой.

Хуже всего, что Адель отнеслась к этому как к шутке. Раз-

махивала руками, а когда сделала шаг вперед, стало ясно, что она едва держится на ногах.

О, Адель! Таблетки от простуды и шампанское – плохое сочетание.

Еще минута, и она могла упасть, навлекая на себя стыд и позор, только этого ей сейчас и не хватало.

Да. Черный ход.

Лотти сорвала с себя фартук и бросила его в короб.

– Адель. – Она шла и улыбалась как можно непринужденнее великолепно одетой женщине, которая вцепилась в слегка пьяного и напуганного владельца галереи.

Адель повернулась к ней слишком быстро, но ноги едва не подвели, хорошо, что Лотти успела обхватить ее и дать возможность опереться на себя, так что никто ничего не заметил.

– Я чувствую себя виноватой. Я обещала лимонные бисквиты, которые вам так понравились, но осталось только три штучки. – Она улыбнулась и крепче обняла Адель, словно они были лучшими подругами. – Я приберегла их для вас на кухне.

С последним смешком в сторону заметно ободрившегося владельца галереи Адель повалилась на Лотти и радостно зашебетала о том, как любит Лондон. И пирожные. И шампанское. Лотти каким-то образом удалось помочь Адель держаться прямо, они очень медленно прошли через всю галерею и, толкнув дверь, оказались на кухне.

Лотти смогла перевести дух и помассировать затекшую руку.

На лестнице раздались тяжелые мужские шаги, она зажмурилась.

Роб ворвался в кухню, сверкающими глазами, темными и пронзительными, оглядел всю сцену. В глазах читались обвинение и гнев. Совсем как тогда, когда они виделись последний раз.

– Что тут происходит? – Он с каждым словом задирал подбородок все выше и выше.

– Адель нужен воздух и лимонный бисквит. Я помогла ей и с тем и с другим. Понятно?

Тот Роб, которого она знала три года назад, был до неприличия уверен в себе. Хозяин Вселенной, требующий и ожидающий от всех поклонения своему таланту и величию. Именно такой мужчина снова стоял сейчас в этой комнате.

– Я увезу ее отсюда. С ней все в порядке. Она в полном порядке.

Согласно кивая, Лотти не могла отвести взгляда от его потрясающих глаз. И чем дольше смотрела, тем они становились все удивительнее и непостижимее, и это заставляло ее нервничать.

Роб, может, и был самым уверенным в себе, собранным и твердым человеком из всех, кого она когда-либо встречала, но сейчас она видела в его глазах тревогу и смятение.

Что-то его беспокоило. Но она не понимала что.

– Вы заказали какой-нибудь транспорт? – Лотти пыталась говорить непринужденно, чтобы не напугать Адель.

– Не беспокойтесь об этом, – резко ответил Роб. – Самое важное – было привести ее сюда до того, как она оконфузится.

Лотти улыбнулась милой женщине, которая опиралась на посудомоечную машину и деликатно откусывала маленькие кусочки от пирожного, явно не прислушиваясь к их беседе.

– Почему? Это ведь ее вечеринка. Разве она не может повеселиться на открытии своей выставки?

– Но не перед этими людьми. Они ищут малейший повод подловить нас и продать подороже наши фотографии. Они знают меня. И они знают, где меня найти. Мне не нужны скандальные сцены. Совершенно не нужны.

– *Вы.* Они знают *вас*.

Лотти смотрела на него, открыв рот, и недоверчиво качала головой:

– О, я глупая. Я подумала, что вы беспокоитесь, чтобы ваша мама не испортила это грандиозное для нее событие. А вы, оказывается, больше беспокоитесь о том, как к этому может отнестись пресса, ждущая вас на парадном входе. Вы и ваш драгоценный имидж – вот что важнее всего.

– Вы не знаете, о чем говорите, – прошептал он, и она увидела, как в его глазах промелькнула такая боль, что они стали темнее и ярче.

– Не знаю? Удивитесь, как много я знаю о людях, которые

ставят свою так называемую репутацию выше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.